

Цена 25 коп.

20.581 К

К. ЗАВЬЯЛОВ

ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПРОИЗВОДНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
• ИВАНОВСКОЕ • ОБЛАСТНОЕ • ОТДЕЛЕНИЕ •
1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

Ивановское Областное Отделение

Центральный книжный магазин

Иваново-Вознесенск, Социалистическая, д. 19/2, тел. 5-06.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Составлено бибкабинетом библиоколлектора Ив. Обл. Отд. Госиздата)

II — **Артамонов, А.** — От деревни до каторги. 2-е перераб. изд. — ЗИФ. 1929 г. 87 стр. 50 коп.

II — III **Березовский, Ф.** — Т. III. К вершинам. — ЗИФ. 1930 г. 381 стр. 2 р. 85 коп.

II — III **Березовский, Ф.** — Таежные застрельщики. — Прибой. 1926 г. 133 стр. 1 руб.

II — III **Бессалько, Н.** — Кузьма Даров. Повесть. ЗИФ. 1929 г. 328 стр. 2 руб.

II — III **Бибик, А.** — К широкой дороге. Роман. — Новая Москва. 1927 г. 304 стр. 2 р. 20 коп.

II — III **Бибик, А.** — На черной полосе. Роман. — Недра. 1927 г. 224 стр. 1 р. 90 коп.

II — III **Васильченко, С.** — Карьера подпольщика. Повесть из революционного прошлого. — Мосотгиз. 1930 г. 360 стр. 2 р. 20 коп.

II — III **Васильченко, С.** — После Декабря. Вторая повесть из цикла „Карьера подпольщика“. — Московск. Раб. 1927 г. 301 стр. 1 р. 90 коп.

II — III **Волков, И. А.** — Ситцевое царство. Том I. — Основа. Иваново-Вознесенск. 1925 г. 167 стр. 70 коп.

II — III **Волков, И. А.** — Ситцевое царство. Том II. — Основа. Иваново-Вознесенск. 1926 г. 192 стр. 25 к.

II — III **Воронский, А.** — За живой и мертвой водой. Воспоминания. 2-е изд. — Круг. 1927 г. 251 стр. 1 р. 75 к.

II — III **Воронский, А.** — За живой и мертвой водой. Воспоминания. Кн. 2-я, часть 1-я. — Федерация. М. 1929 г. 268 стр. 1 р. 50 коп.

II — III **Воронский, А.** — За живой и мертвой водой. Воспоминания. Кн. 2-я, часть 2-я. — Федерация. М. 1926 г. 237 стр. 1 р. 50 коп.

II — III **Гамбаров, А.** — Андрюшка Проскуров. Повесть. — ГИЗ. 1930 г. 152 стр. 27 коп.

III — **Григорьев, Р.** — На ущербе. Роман. — Прибой. Л. 1927 г. 258 стр. 1 р. 50 коп.

III — **Евдокимов, И.** — Колокола. Роман. — ЗИФ. 1930 г. Дешевая библиотечка ЗИФ'а.

II — III **Евдокимов, И.** — Сиверко. История рабочего подростка. Повесть к 25-летию 1905 года. — Никитинские Субботники. 1930 г. 96 стр. 80 коп.

II — III **Жданов, А.** — Во власти золота. Ленский расстрел. Историческая повесть — хроника. 2-е изд. доп. — ЗИФ. 1929 г. 232 стр. 1 р. 85 коп.

II — III **Иванов, П.** — От станка к баррикаде. Повесть из эпохи 1905 года. С предисл. Л. Сосновского. — Прибой. 1926 г. 227 стр. 1 р. 40 коп.

Продолжение на стр. 3 обложки.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

24/10/81 - 4567

268 9 4581

11/04.02 - 43499

21:06 04 Алла Матени

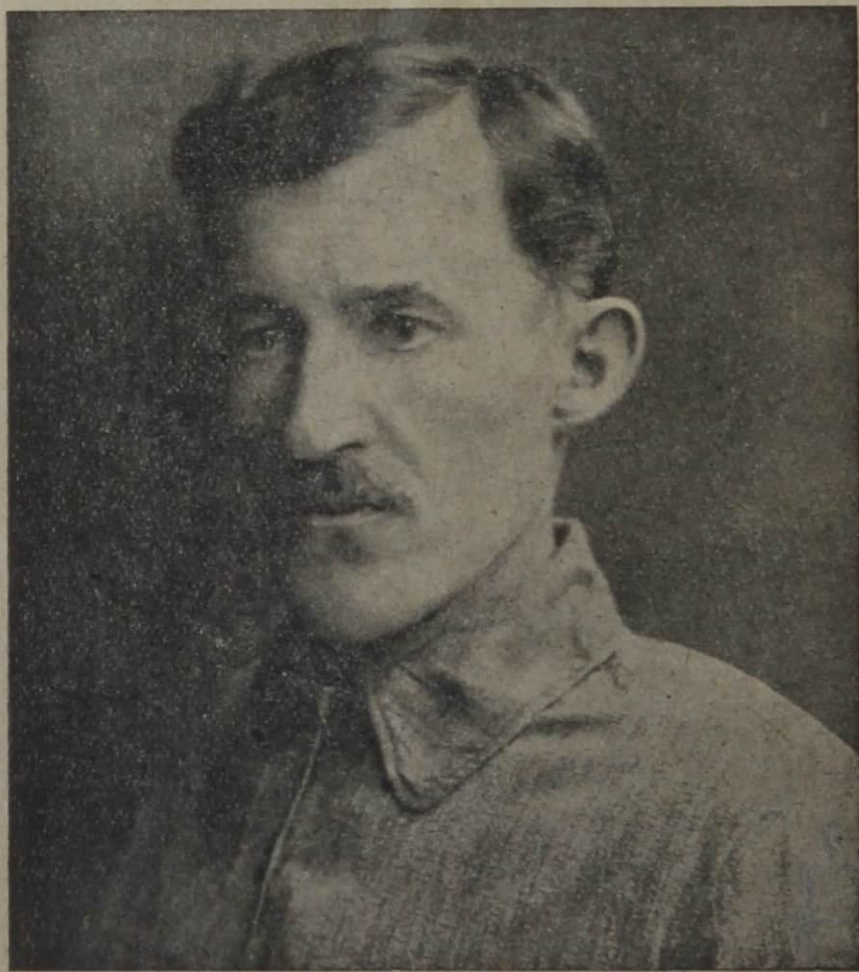
18.03.08 - 21504

28/XI - 10239

в ТМО Т, 2 шлв. 3. 1993-86

94

2010

К. ЗАВЬЯЛОВ

ФАБРИЧНЫЙ ПРАЗДНИК

С портретом автора

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Иваново-Вознесенск

1 9 3 0

~~0. 1112895~~

ГИЗ № 34318. ИВ.

Отпечатано в типо-литографии „Красный Октябрь“
в гор. Иваново-Вознесенске. Заказ № 635.

Облит № 758. Печ. листов 3.

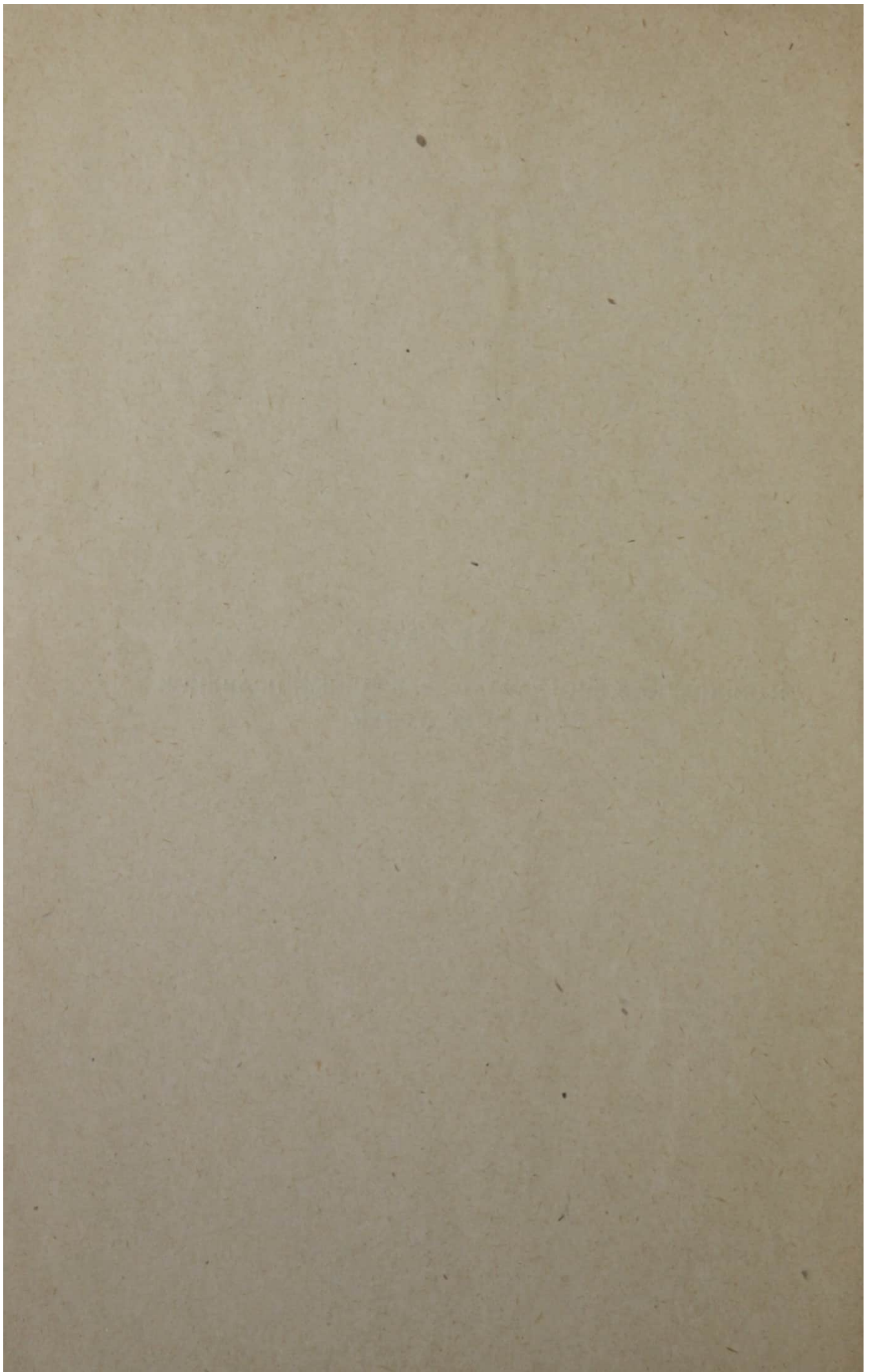
Тираж 15000 экз. Инд. X. 32.

Ст. ф. А5—148x210.

К. ЗАВЬЯЛОВ.

МОЯ КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ. ФАБРИЧНЫЙ ПРАЗДНИК.
ЭТО ВСЕ ВЫЛО ТАК.

МОЯ КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ.

Дедушка мой был резчиком на ситце-набивной фабрике купца Лопатина. Мой отец пошел по этому же ремеслу, но уже работал не резчиком, а гравером на стали, так как в это время ситценабивное производство почти прекратилось, зато пошли ситцепечатные фабрики. Резчика сменил гравер, набойщика — раклист на машине. Отец работал сначала на фабрике Зубкова, потом на фабрике Ив. Гарелина, а все последнее время до самой смерти у Петра Дербенева.

Мать моя была из крестьян села Калачева, Шуйского уезда, Владимирской губернии.

Отец много пил, пил до одурения. Пьяный всегда буйствовал, а трезвый был нем, как рыба. Пять лет прослужил он в солдатах. Здесь на службе вбили ему в голову „любовь к отечеству“, проклятый египетский труд постоянно держал его в рабстве, которое дополнялось вычурным, утонченным гнетом мастеров. Они следили за гравером, выбивая из него все силы на работу; старались, чтобы его голова не ворочалась, не поднималась от станка с лупой, а руки все время ковыряли и ковыряли узоры рисунка на блестящем стальном валике.

Родился я 17 июля 1883 года в Иваново-Вознесенске.

Не было мне еще и года от рождения, говорит мать, как я как-то свалился из окна на улицу, но мать успела схватить меня за ногу и не дала упасть. Нога была выдернута и осталась без всякого действия.

Детство было нерадостное. Когда мне было 14 лет, семья наша состояла уже из 6 человек, я был самым старшим. Вместо детской радости, вместо того, чтобы бегать и играть с ребятами, дышать свежим воздухом, я с утра до вечера качал за веревку люльку, привешанную к потолку.

Сидишь иной раз с пьяным отцом. Зима. Морозно. Отец выгнал мать из дома на улицу... Дико, бессмысленно поводит он глазами, площадно ругается, в руках повизгивает гармоника. Пьянеет все больше, потом гармоника вываливается из рук, голова склоняется на стол, а на столе пролита водка, об'едки селедки.

— Приведи, господи, прежде конца покаяться, приведи, господи, с чистым покаянием помереть, — бормочет он, засыпая.

Осторожно, со страхом, пробираюсь в кухню к окну, стучу, даю знак матери, что отец уснул, значит можно ей возвратиться. Так бывало после каждой полочки, после могоарычей и когда отец запивал от трудного рисунка или от обиды на своего мастера.

Сначала я ползал на коленках (штанишки были подшиты кожей на коленках), потом стал ходить на костылях. Это вынужденное положение позволяло мне не столько пользоваться жизнью, сколько наблюдать ее во всех мелочах: я чувствовал, словно каждая щепочка, каждая травинка, цветок говорит со мной. Вся радость первых годов моего детства—были летние дни. Я проводил их во дворе, возле дома. Отец не любил, когда я был на улице. Часами я заглядывался на вечерние гонки голубей. Трепещут они белыми, сизыми, черными крыльями, кувыркаются, играют в воздухе, слетаются в большую стаю и теряются в вечерней синеве неба. Подолгу глядел я на разцветшую одинокую яблоню в нашем дворе. Вся она убиралась весной белорозовыми лепестками, как живые они пестрели в молодой зелени. Нарядна была

она, а еще недавно была такая неприветливая, некрасивая, с черными, кривыми ветвями.

С большим терпением по целым часам, бывало, чистил я самовар по приказанию матери. Старался вывести все пятнышки, торжествуя, любовался его блеском. Следил и следил за всем и от моего внимания редко ускользало что-нибудь, что было доступно моему наблюдению. Такими хорошими, интересными казались мне литейщики с завода, снаряжающие рыбные снасти на соседнем дворе. С такой любовью они с цыгаркой во рту строгаги удилица. Вьются они в их руках, длинные, белые.

Со страхом в душе следил за матерью, которая перед приходом отца в обед, прятала бабушку, свою мать, на чердаке, на время прихода отца. Отец не любил свою тещу и когда, пьяный, вспоминал, бывало, тещу, всегда колотил мать.

Зимой круг моих наблюдений суживался. Приходилось качать колыбель, качаю, а сам посматриваю на разрисованные морозом окна. Разыгрывалось воображение. Казалось, что мороз нарисовал тут фигуры людей, деревья, кусты. Любовался я разноцветными искрами на стеклах, их игрой, когда зимний луч солнца проникал к нам в избушку.

Рука немела от качанья... веревка от люльки выпадала из рук... мечта росла... раздавался плач из колыбели.

— О чем думаешь? Забыл свое дело? — кричала мать, стирая ворох грязного белья.

Торопливо хватался я опять за веревку и снова начинал качать ребенка. Семи лет, не выпуская веревки от колыбели из рук, я стал учиться читать по складам. Показывала мать. Качаю колыбель одной рукой, а другой вожу деревянной указкой по азбуке. Трудно было учиться в таких условиях и потому нередко на глаза наворачивались слезы, когда складывал по складам:

—Буки — аз — ба.

Зато, когда я выучился читать, для меня открылся другой мир. Книжку за книжкой глотал я. Отец выпрашивал на фабрике у рабочих почитать мне. Другой раз мать на базаре купит сказку в размалеванной обложке, и я с жадностью набрасывался на нее. По несколько раз перечитывал я некоторые книжки: „Чем люди живы“, „Кавказский пленник“, „Князь Серебряный“, „Стенька Разин“. Нравился мне сапожник у Толстого, за работой распеваящий весной у окна в подвале песни, несмотря на то, что жизнь у него была тяжела. Хоть и жил он в подвале, но хороша была душа у сапожника. Непонятно только было, как это ангел слетел к нему с неба — делать заказ на башмаки. Я переживал вместе с героями тех книг, которые читал. Помню, радовался за Костылина („Кавказский пленник“), когда он убежал из плена от горцев. Нравился мне дремучий лес, где жил лесник, с которым встретился князь Серебряный. Захватила воображение широкая Волга, удаль Стеньки Разина, который разгуливал по ней и уничтожал злых бояр. И во сне мне снились расписные челны, княжна, которую Стенька Разин бросает в Волгу.

Мой физический недостаток — вывернутая, бездействующая нога постоянно вызывала жалость у людей. Каждый старался выказать свое сочувствие и это больно ранило мое детское самолюбие.

— Маяться будешь весь век свой... Никому не нужен, — говорили бывало, жалостливо поглядывая на меня. — Ну, да меньше забот: ни нарядами, ни гуляньем не надоест матери.

— Хорошую няньку послал тебе бог, — говорили соседи матери, — все-таки свой человек с малыми ребятами.

Мать думала так же и часто повторяла мне:

— У тебя жизнь будет другая... Об этом тебе нельзя думать... Этого нельзя просить по твоему положению.

Отец, напившись, вспоминал солдатскую службу, маршировал с ухватом и кричал мне:

— В сапожники отдам.

От этих слов широко разливалась у меня горечь в душе. Все сильнее росло желание чем-нибудь доказать, что и я могу что-то делать, и я могу работать, и мне должно быть место в жизни.

Двенадцати лет меня отдали в школу при детском приюте М. А. Гарелиной. Ходить зимой в школу мне было трудно: упадешь иной раз и барахтаешься в снегу с костылем. И стал я жить по зимам при школе, ночевал в каморке сторожа.

Трудная работа в согнутом положении и водка доконали отца. Он заболел скоротечной чахоткой. Стал глухо с надсадкой кашлять, лицо стало желтое, глаза ярко блестящими. За год до смерти он перестал выпивать, не стал курить. Месяца за два до смерти, когда увидели, что из него выжать больше нечего, его рассчитали с фабрики. Выдали деньги за две недели вперед и сказали, что он больше не нужен, пусть идет поправлять свое здоровье.

* *
*

Пришла весна. Солнышко весело играет. Отец бродит по двору, как тень, с утра веселый, улыбается, а как загудят фабрики на обед, делается мрачным. Гудки напоминали ему страшное завтра, надвигающуюся нужду большой его семьи. Я еще не понимал тогда, что отцу уже недолго остается жить.

Не помню, за месяц или меньше до его смерти я кончил курс в начальной школе и с торжеством разложил перед отцом большой похвальный лист с золотыми буквами и евангелие в голубом переплете. На том и на другом было написано: „За успехи в учении и благонравное поведение“.

— Молодец! — негромко сказал отец, улыбнувшись. — Успехи — это хорошо, а о поведении и говорить бы не надо. Еще бы его у тебя не было при твоём положении.

Да что же это за положение? Опять мне нельзя, значит, чувствовать себя работником, быть свободным, пользоваться благами жизни.

— На фабрику надо попросить тебя. Учись моему мастерству. Твое положение поможет лучше других выучиться, помощником будешь семье, — глухим голосом проговорил отец и ушел от меня.

Раз утром испуганная мать громким криком звала всех нас, ребят, к постели отца. Отец широко открывал блестящие глаза, обводил нас пристальным взором и снова закрывал глаза.

— Отходит, — сказала мать и сунув мне евангелие, заставила читать.

Я читал, ничего не понимая, посматривая на отца и на плачущую мать. А маленькая сестренка смеялась, держась за подол матери, остальные пугливо жались к ней...

В то время, когда я читал евангелие над умирающим отцом, на фабриках и заводах миллионы людей корпели над своей работой, отдавали силы и здоровье хозяевам. Десятки тысяч умирали, как и мой отец, от чахотки, изувеченные машиной, выброшенные на улицу, выжатые до конца. Над ними тоже читали отходную, обещавшую, что бог отпустит им грехи, совершенные в страдной жизни по его же воле. Места умерших отцов на фабриках занимали дети.

— Пошел! — кричали отцы и матери. — Пошел! Не унывай, тяни! В могиле отдохнем.

После смерти отца по пятнадцатому году я поступил на фабрику Ив. Гарелина учиться на гравера на стали. Выдали мне книжку с обозначением жалованья: 15 коп. в день. И когда я получил первую получку за две недели 1 руб. 60 коп. и отдал деньги матери на прокормление всей семьи, только тут я почувствовал, что я тоже человек, что я могу работать на семью вместо умершего отца.

На фабриках в ту пору существовал твердый обычай — распивать могоарычи. Седой как лунь старик — пантографщик, староста по могоарычам, напомнил мне об этом. С плачем я заставил мать занять у кого-то из соседей три рубля на могоарычи мастеровым.

С большим усердием принялся я учиться всем премудростям этого тяжелого, нудного мастерства. Весь мир заполнился одной мечтой — научиться работать и выбиться из нужды.

Шестимесячная стачка текстильщиков в Иваново-Вознесенке в 1905 году произвела перелом в моем мировоззрении.

Привязанный, в силу своего физического недостатка, только к фабрике и дому, я никуда не мог ходить. Принужден был довольствоваться тем, что слышал от других, с живым интересом прислушивался к разговорам рабочих по вечерам; говорили они о Талке, куда каждый день шумно большими толпами ходили рабочие, о стачке, о забастовщиках и забастовках по всей России.

Стачка подходила к концу. Я услышал, что мастеровые из граверной собираются иногда в фабрике и решил сходить узнать, что там говорят.

Там были уже разногласия, колебания. Мастеровщина подавала голос за то, чтобы стать на работу.

Идя с фабрики домой, я думал, что ведь это нехорошо: стать сейчас на работу, когда борьба еще не окончена. На своей улице я встретил депутата нашей фабрики тов. Николая Ананьева. Он схватил меня за горло и грозно спросил:

— Куда ходил? На фабрику? Предатели!.. — и пошел от меня прочь.

Я ничего не ответил, но мне стало очень тяжело. Я понял, что я тоже должен что-то сделать, но активно проявить себя не решался: пугала моя беспомощность, пугали костыли.

В то время представление о борьбе у меня уже было, хотя и смутное. В граверной мастерской было несколько членов с.-д. партии, большевиков, были и меньшевики. Я читал прокламации и беллетристику, издаваемую „Донской речью“.

Атмосфера стачечной борьбы накалялась. Голодные рабочие начали громить лавки. Погром этот был вызван провокацией. Казаки - красные околыши горячее участие принимали в растаскивании товаров из лавок. Помню всю ночь грозно шумели толпы рабочих; вдали пылали зарева от горящих фабрикантских дач. Спать я не мог и всю ночь бродил по улицам рабочего района — Хуторова. Утром казаки с красными и желтыми околышами начали пороть нагайками рабочих у лавок.

Я заковылял домой. Положение все обострялось. В переулке, около лавки И. Грошева, казаки слезли с лошадей, построились в шеренгу и стали угрожающе целиться из винтовок в рассыпавшихся по переулку рабочих. А из-за лавки через крышу в казак летели осколки кирпичей.

Тов. Казанский, депутат, кажется, с фабрики Полушина, не выдержал: он вышел вперед и распахнул на груди красную рубашку:

— Стреляйте!

Казаки с гиком носились по улицам. Недалеко от нашего дома, на Мельничной улице, они сбили в кучу бежавших рабочих и неистово ударили в нагайки.

Стачка кончалась. На фабриках и у фабричных ворот шли митинги. На горке, у базарных полков, против фабрики Ив. Гарелина, тов. Николай Жиделев, депутат от ткацкой, призывал рабочих организовываться в профессиональные союзы.

Сознание мое все более революционизировалось. С жадностью я читал газеты, прокламации. И когда масса рабочих встала на работу, я решился платить взносы на поддержку партии. Взялся награвировать медную печать для боевой дружины. Какой — тогда

еще не знал. После уж узнал, что для эс-эров, которые впоследствии начали экспроприации.

Помню знаменитый царский манифест 17 октября. Какой был под'ем, сколько надежд, что-то новое, большое, радостное загорелось в душе...

И какие черные, страшные дни вслед за этим. Словно оборвалось сердце. Гнетущая тоска. Грустно было слушать вести, долетавшие в граверную с фабрики о черной сотне и об ее действиях. В мастерской у нас все притихли, сосредоточились. Совсем притихли, когда услышали, что произошло избиеение депутатов и у нас на фабрике. Избили, между прочим, тов. Белокурова. Особенно неистовствовал, говорят, смазывальщик из слесарной Печкин, низкого роста, толстый, как кубышка.

Через несколько дней после этого вертельщик с молетирной машины, стоявшей около моего верстака, высокий, худой, прибежал на работу перед самым завтраком. Он был очень взволнован.

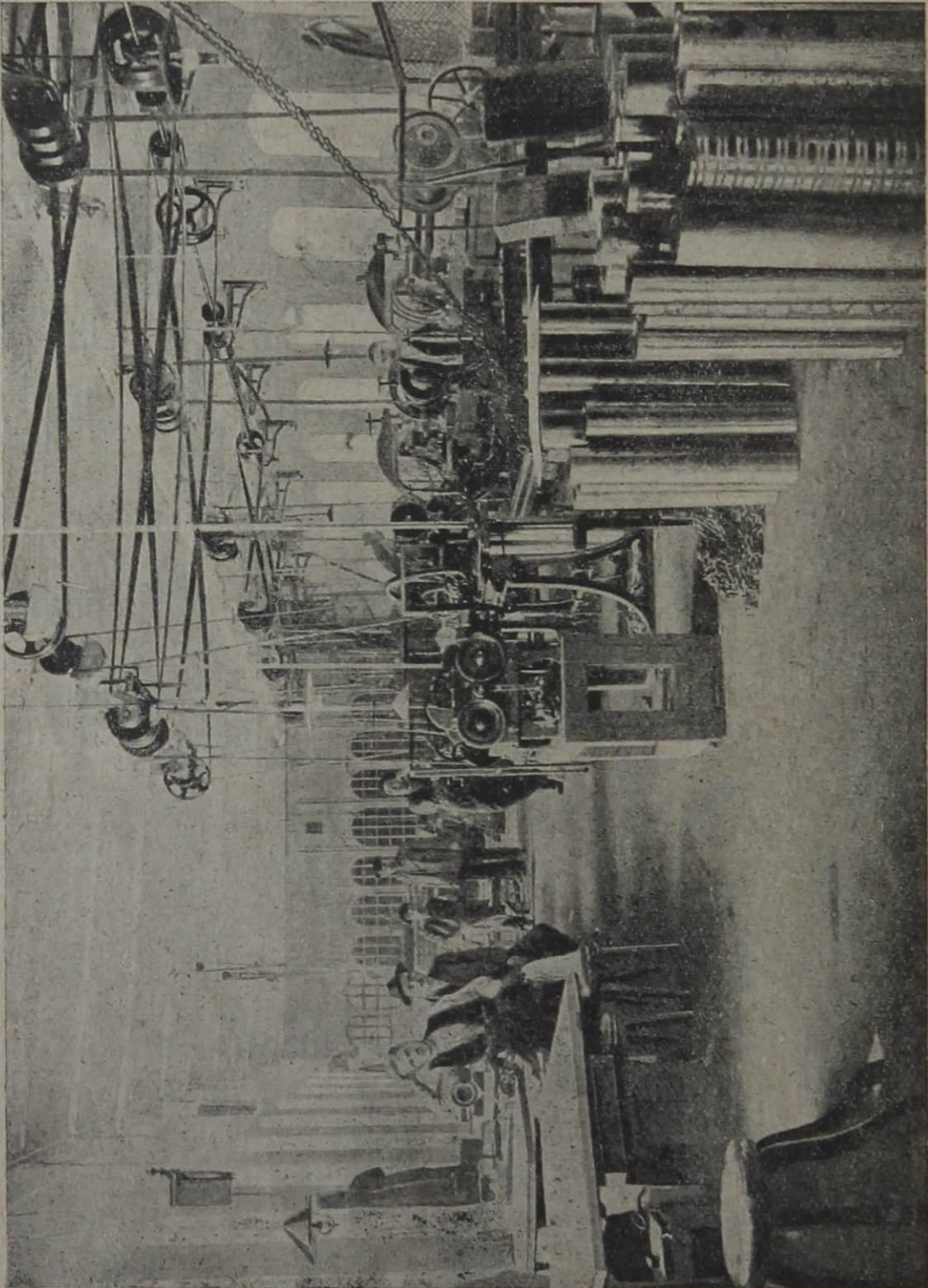
— Сейчас я видел на станции, — задыхаясь от возбуждения, говорил он, — как разорвали одну еврейку...

Это было убийство тов. Генкиной.

Реакция гуляла вовсю. Жадно на перебой хватали мы новую революционную литературу из открывшегося книжного магазина „Труд“ в доме Бурылина на углу Галкинского переулка.

У меня в верстаке скопился полный ящик разных брошюр. Помню, как-то раз в вечерний чай я читал вслух мастерским брошюрку „Митрошкино жертвоприношение“ и плакал. Увлекаясь новой литературой, я читал соседям по работе вслух из-за верстака. Однажды мастер вызвал меня к себе в каморку и заявил:

— Тебе нужно поменьше говорить. Прекрати чтение. При твоём положении тебе придется плохо, если уволят.

Опять это проклятое „положение“ мне ставят на вид. Я задумался над этим. Не давала покоя мысль: „А что если в самом деле уволят“, ведь я не смогу колоть дрова или что-нибудь другое делать.

Черносотенные погромы отгуляли по городу. Потекла опять нудная мещанская жизнь. Не пришлось мне связаться с хорошим товарищем большевиком, у нас в граверной осталось только несколько кадетов и меньшевиков. Материально мы тоже не переставали нуждаться. У меня на руках была вся подраставшая семья. Годы юности прошли в работе и жестокой нужде.

Но вот по земле понесся ужасный кровавый вихрь. Развернулась, широко захватив весь мир, империалистическая бойня; зазвучали жгучие, хотя неполно отраженные буржуазной печатью, речи социал-демократов в государственной думе.

Наконец, дело докатилось до февральской революции. Всю мою жизнь она круто повернула в другую сторону. В марте 1917 года я ушел из граверной представителем в фабричный комитет.

А через несколько дней я вступил в ряды ВКП (б) и больше в граверную не возвращался.

Начались дни борьбы, новой, невиданной работы: сначала в стачечном комитете, потом в фабкоме, в органе надзора фабкома, в кустовом правлении Иваново-Вознесенских фабрик, в правлении союза текстилей и в пролеткульте. Эти дни остались для меня навсегда лучшим дорогим временем моей жизни. Это были годы, когда находившее моментами беспокойство за исход борьбы, сменялись горячей верой и сознанием победы рабочего класса. С каждым днем горизонт мысли все прояснялся, крепко росло классовое самосознание.

В июле 1917 года в наш фабричный комитет зашел старый большевик Алексей Киселев, теперь секретарь ВЦИК.

2. Фабричный праздник.

Он сказал: „Товарищи, нам надо организовать свою рабочую печать. Давайте материал, пишите, кто как умеет, статьи, заметки, стихи, не стесняйтесь. Как ребенок разбивает себе нос до крови, когда учится ходить, так и мы научимся писать“.

Эти слова были сказаны так просто и таким тоном, что я понял, это действительно необходимо и надо теперь же приступить к делу. И я взялся, я, который всю свою жизнь ни разу не брался за перо, чтобы изложить свою мысль. Только в детстве, помню, переписывал я интересные для меня стихотворения. Сначала дело не ладилось, я исписал несколько листов бумаги, пока, наконец, написал статью „Думы пролетария“. Она была помещена в газете „Известия Иваново-Вознесенского совета рабочих и солдатских депутатов“, от 16 июля 1917 г. Эта газета выходила тогда на темно-желтой оберточной бумаге.

Когда я увидел свою статью напечатанной — это был большой праздник для меня. Казалось, что все смеется, ликует вокруг меня. Хотелось крикнуть громко, громко:

— Как хороша новая жизнь!

Усиленная работа в профсоюзных и партийных организациях не давала возможности уделять времени писательству. С другой стороны, ведь мне было очень трудно писать, ведь я получил в школе только самые начальные познания. Знал я где нужно ставить букву ять и что после шипящих не пишется ы, а пишется и. Но стройно излагать свои мысли, излагать их так, чтобы было понятно всякому читающему, что я хотел выразить, я не мог, мне стоило это труда и большой затраты времени, однако я не унывал. Каждую свободную минуту я жадно хватался за перо и работал, засиживаясь иногда до поздней ночи. И вот в феврале 1918 года, в газете „Рабочий Город“ была помещена другая статья: „Впечатление работы последних дней в фабкоме

фабрики Ив. Гарелина". Успех ободрил меня. 15 сентября 1918 года мне довелось присутствовать на первой всероссийской конференции Пролеткульта, передо мной открылся огромный мир культурных вопросов.

Песни революции, песни пролетарских поэтов, призывы к культурной работе, творчеству, жгучие, яркие, полные веры в творческие силы пролетариата и крестьянства, захватывали, возбуждали порыв, мечту. В растущей борьбе за новую жизнь открывалось столько нового, столько большого, интересного, что я понял, что я тоже живу, что я такой же человек, как и все, что я равноправный член великой трудовой семьи пролетариата.

ФАБРИЧНЫЙ ПРАЗДНИК.

(Из прошлого фабричной жизни).

Летний ясный солнечный день.

На дворе большой фабрики гурьбою сходятся ткачи, ситцепечатники и разная мастеровщина.

Сегодня Первый Спас — фабричный праздник. Из года в год справляют фабриканты такие праздники. Они приноровлены часто к памяти святого, имя которого носит или сам хозяин, или его дедушка, или бабушка, или в знак какого-либо события, происшедшего в этот день в производстве.

Рабочие принаряжены. Толпа пестрит белыми платками, узорами ситца на платьях, полупростиранными рубашками обитателей фабричных спален.

Против конторы со стенами, разделанными под дикий серый крупный камень, тянется длинный ткацкий корпус. Рабочие, собравшись в группы, одни стоят у конторы, другие рассеялись длинной лентой вдоль стены ткацкого корпуса. Местами слышится оживленный разговор.

—Сегодня празднуем за здоровье благодетеля!— говорит кочегар Гарька, подошедший к одной из групп беседующих.

Это—всем известный на фабрике запьянчуга. Жена его, ткачиха Марья, в выпивке ему не уступала, пила она обычно после дачки. Сядут они за стол, распиивают половинку за половинкой, говорят о нужде, о детях, а их было у них шестеро. Оделят ребят

баранками и мирно беседуют. Марья пьянела скорее, Гарька становился злым, и мирная беседа почти всегда завершалась побоями Марьи.

Гарька уже навеселе. Лицо, руки от копоти ко-чегарки трудно отделяются от засаленной блузы, отливающей на солнце шелком. Маленькая кепка-картуз сдвинута на затылок. Торчит клочком жидкая седая бороденка. Из-под красных, слезящихся век тускло поблескивают глаза, предвкушая выпивку.

—Хорошо празднество: с его милостью,—пятиалтынный в зубы,—не разгуляешься!—с угрюмым видом ответил Иван, сноваль, делавший иногда прогулы по неделе.

—Одна наша фабрика что ли сегодня празднует?—спрашивает молодой парень из печатной, с бледным желтоватым лицом, в рваном пиджаке, вымазанном красками разных цветов с острым кислотным запахом.

—У всех у них свои праздники настроены, как у царя,—внушительно ответил Иван-сноваль.

--Ха-ха-ха, тоже цари!—шутит кто-то в толпе.

—Да еще какие!—завертывая сигарку, говорит Гарька.

—Вон у него сегодня какой парад! Все в струнке, церковь своя, служенье в ней сегодня, как в пасху,—торжественное, а мы иконы носим на фабрику, бали и угощение всем по заслугам.

—Старожиллов идет!—раздался густой, зычный голос из толпы высокого, здорового таскальщика основ Мити Большого.

Рабочие группы понемногу сливаются у конторы в большую, гудящую своеобразным шумом массу. Заведывающий фабрикой с величием, медленно шагая, полукивая головой на поклоны рабочих, подходит к конторе.

Его окружают служащие, поздравляют с праздником. Мелкая сошка с заискивающим видом раскла-

нивается издали, робко прячется один за другого. Группируются по окладам жалования.

По двору раздается звонкий стук копыт рысака о мостовую.

—Хозяин едет!—пробегают шопот по толпе.

Роскошный блестящий экипаж останавливается перед конторой. Рабочие, женщины, сидевшие у стены ткацкого корпуса, разом встали. В передних рядах дружно снимали шапки, низко кланялись женские головы. Толпа гудит глуше.

Хозяин грузно вылезает из экипажа. Жмурится от солнца, не обращая внимания на поклоны стоящих широким коридором рабочих.

Он высок, плотен, с тупым, злым взглядом заплывших глаз, серебристая от седины голова подстрижена бобриком. Он мануфактур-советник, высокий благотворитель, и в петлице сюртука болтаются ордена. Сегодня он настроен, кажется, благодушно. На обрюзгом лице скользит довольная улыбка.

Заведывающий фабрикой, подобравшись в комочек, встречает его, предупредительно раскланивается с протянутой вперед рукой.

—Бабья сколько у нас на фабрике, Александр Павлович!—бросает хозяин, сунув ему руку. Потом здоровается с другими из высшей администрации.

—Здравствуйте, Иван Александрович!—расшаркивается колорист-немец.—Как ваше здоровье? Жарко сегодня!

Неуклюже, с заискивающим выражением лица, робко пожимает руку хозяина механик с большими рыжими тараканьими усами. Рабски почтительно, один за другим, ловя взгляды хозяина, низко раскланивается издали мелкая сошка.

Хозяин кончил, наконец, с поздравлениями и закуривая папиросу из массивного портсигара, смотрит на заведывающего, ожидая ответа на свое замечание.

—Поспокойнее работать с бабами, Иван Александрович!—деловито отвечает ему Старожилов, заведывающий.

—Вот война начнется, еще больше этого товара прибавится на фабрику.

— Антипычу веселее будет. Много неприятностей у нас с ним из-за бабья.

—Ха-ха-ха,—раскатывается жирным смехом хозяин, довольный ответом. Ищет глазами в толпе служащих Антипыча.

Антипыч—ткацкий мастер, небольшого роста, с хитрыми, масляными, плотоядными глазами, ястребиным носом, робко выглядывает из-за спины служащих.

—Эй ты, недоросток, ха-ха-ха!—засмеялся опять хозяин и поманил его пальцем.

Антипыч робко подошел к хозяину, как провинившийся школьник.

—Здравствуйте, Иван Александрович! Что прикажете?

—Что прикажете, ха-ха-ха!..—покровительственно смеется опять хозяин, передразнивая.

—Вот что,—в полголоса, как бы по секрету, говорит он, слегка склонившись к нему,—полегче лови прелестниц, пересаливаешь, не сдобровать тебе от них, смотри!

Окружающая фабричная знать слышит и подобострастно улыбается шутке хозяина.

Но вот раздается громкий крик:—Иконы несут!

Масса зашевелилась. Тысячи рук замелькали в воздухе, крестясь на ярко блестящие на солнце хоругви. Тысячи обнаженных рабочих голов задвигались. Разделились опять на две половины, очищая дорогу к большому столу, накрытому белоснежной скатертью.

Несущие иконы тяжело дышат, с них льет пот. Наконец, они ставят тяжелую ношу на землю.

Поп торопливо семенит к хозяину.

—Что долго? Давно ждем!—недовольно спрашивает хозяин, протягивая руку попу.

—Треб много, Иван Александрович, задержали,—виновато оправдывается поп и спешит облачатся.

—Небось, не ушло ы!.. Ха-ха-ха. — бросает хозяин, решив, что не стоит себя расстраивать в такой день. Дьякон откашливается густым пропитым басом.

Молебен начался. Дьякон исходит голосом заектинией. Умильно возглашает поп. Пышная шелковистая волна его длинных косм раздувается легким ветерком. Жирное пухлое лицо скрывает маленькие глазки, щурящиеся на солнце в мечтах об угощении у „благодетеля“ после молебна.

Прошлый год три тысячи выдали в конверте с надписью „С праздником“. И попу представляется стол, уставленный снедями.

... Румяная, пышная, таящая во рту кулебяка с вязигой... Ноздреватый швейцарский сыр „со слезой“, похожей на росу. Свежая зернистая икра, белорозовый балычек, нежно-розовая семга, боровые маринованные рыжички. Разноцветные ярлычки, бутылки с винами: мадерой, хересом, малагой, ликерами, наливки в тонких высоких графинчиках, звенящие рюмочки.... Эти мечты вдохновляли батюшку и он еще умильнее стал молиться.

Молебен идет своим чередом, а позади толпы у стены ткацкого корпуса оживленная беседа на злобу дня, о выдаче служащим наград к празднику.

—А тут работай, работай, дадут тебе сегодня на сотку и гуляй, вот и вся награда,—с горькой усмешкой говорит кочегар Гарька, попыхивая цигаркой.

—Епишка, табельщик, загуляет нонче! Пишет почем зря гривенники, полтинники в книжки, а за это ему награда месячная. Чувствует хозяин его труды-то!—хлопнув по плечу Гарьку, говорит рабочий из заварки.

—Все они хороши, на свою ногу топора не уронят! Хозяину нужно, ведь, чтобы наш брат от них, как смола от воды отскакивал, на том все и держится.

—А вот еще Антипыч! —махнув длинной рукой, вступает в разговор Митя-Большой — таскальщик.

—Доймет всех! Особенно деревенских. Масла, яйца ему, как попу, носят. И не надо бы, а возьмет на работу. Да если у девченки еще рожа смазливая.

— Забыли они пятый год, мешок с тачкой, сволочи! — говорит Иван, сноваль, злобно сплевывая.

— Не помог нашему-то мешок с тачкой; к конторе возили, так он дрожал весь, прощенья просил. А теперь зато еще злее стал, — гудел Митя-Большой.

— А вот, говорят, война скоро... Новое что-нибудь сделается, — бросает Гарька, задумчиво глядя вдаль за корпус.

— Что нового-то? Еще тяжелее жить будет.

— Ну, что ж, скорее забастуем...

— Забастуем! Бастовали уж в пятом-то году, много выбастовали? Поди, прошиби их!

— Процветание предприятию, долголетнее здравие созидателю сего, рабу твоему Ивану!.. — раздаётся громким эхом по двору фабрики голос дьякона, саданувшего изо всех сил.

Молебен кончился Рабочие стали расходиться с фабричного двора. По случаю праздника хозяин отвалил на угощение рабочим... по двугривенному на брата. Шумно шла дележка.

— На затраву получили, чтобы ему пусто было! — сыплются поздравления.

— Своих больше пропьем!

— Я Симке все косы выдеру сегодня! — кричала молодая ткачиха в толпе женщин. — Забудет как к мастеру ходить с доносом, сводница проклятая! — По проискам приближенной, тайного советника в грязных делах Антипыча, солдатки ткачихи Аксиньи, ее составили с хорошей пары.

Фабричный двор опустел, корпуса скучно грудились, устало поглядывая тусклыми, пыльными окнами.

II.

Двери конторы широко растворены. Один за другим входят служащие. Вошедшие останавливаются, тихо шепчутся.

Мелькают прически, поправляются галстухи, манишки, закручиваются усы. Робко ежась друг к другу, поднимаются они по лестнице, а сверху слышится раскатистый, густой голос хозяина.

Торжество открывается заведующим фабрикой.

— Вы, наша надежда и оплот, глубоко уважаемый Иван Александрович. Мы всегда ваши преданные слуги и исполнители ваших приказаний, — с приятной улыбкой возглашает он. — В сотрудничестве с вами будем и впредь напрягать наши силы, стремясь к расширению и процветанию вашего предприятия.

Хозяин отвечает, он вспоминает заботы о предприятии своего деда, отца и заканчивает:

— Покуда я жив, ребятушки, всегда буду ценить усердную службу, награждать и заботиться о вас. Но только советую всегда помнить пословицу: „Знай сверчек свой шесток“, этого же нужно требовать и от подчиненных.

— А теперь прошу, — указывает на буфет.

— Пожалуйста!

Ребятунки не заставляют себя ждать, робко косясь на хозяина, подходят к уставленному закусками и винами столу, шаря при этом рукой за галстухами, одергивая пиджачки, ежатся, точно их покусывают блохи. Вскоре цоконье копыт о мостовую дало знать, что хозяин отбыл, тут уж почувствовали себя свободнее и налегли на вышивку и угощение.

Мелкая сошка, окружив заведывающего фабрикой, старательно выводит „Боже, царя храни“.

— Во время можно и погулять!—наставительно рассуждает Старожилов.

— Песенку, песенку, давайте!

Раздаются нестройные голоса. Начинают плясать. А у стола начинаются рассуждения, споры, кто, что, почему покупает, что ест, пьет и т. д.

Фабричная знать вскоре покидает контору, брезгливо сторонясь подвыпивших конторщиков. Отдохнув, они продолжают праздник в знак хорошей награды по случаю поздравления.

III.

По рабочему району пестреют партии рабочих, особенно у казенных винных лавок, а они здесь на каждой улице.

Идет складчина на выпивку.

Распивают тут же у казенки. Одни поддерживая четвертную на тумбочке, другие рассевшись гурьбой в пыли у заборов. Раздаются песни, крики. В небольшой группе ткачей стоит Иван-сноваль. Размахивает руками и кричит:

— Кто в карты хочет играть, иди куда знаешь, а мы в лес, на мураву! Выпьем, споем и отведем душу.

— Иван, домой пойдем!—упрашивает Ивана жена. Дома выпьешь! Разгуляешься опять на неделю. Ведь недавно валялась у мастера в ногах, просила не рассчитывать, только и простил, детишек жалеючи...

— Не замай, Софья! Слышь, душа болит, вздохнуть хочется, а ты стонешь тут!

— Душа бо-ли-т. У тебя одного что ли она болит? Этим не поможешь. Идем, идем домой. Ишь разгулялся! Чай, ты не служащий, им можно гулять, у них награда, а у нас завтра жрать нечего! — кричит Софья на всю улицу.

—Им можно, а нам нельзя? Молчи уж!—Иван машет рукой.

— Это разве люди? Воля и душонка у них выбита наградой... Детишек пожалел... Выдумала!..— продолжает Иван.

—Что им наши детишки, дура! Пей сколько влезет, это не помеха, только работай, двадцать раз возьмут.

—Возьмут, дожидайся! Как получка, так медведя водишь... Много ли заработал в этом месяце, оголтелый?

— Идем, Иван! Чего заговорился? От них не скоро отвяжешься, все уши прожужжат!— закричал кто-то из уходивших в лес.

Иван досадливо махнул рукой на жену, плюнул и пустился нагонять их. Софья бессильно опускает руки...

Вот из переулка выходит с песнями, пляской толпа женщин. Впереди ткачиха Марья, жена Гарьки, пляшет как безумная, с растрепанными волосами, подбирая сползающую юбку.

Ой, пить будем и гулять будем,
А смерть придет—умирать будем.

Ноги ее не держат, она падает в изнеможении.

К ней подбегает маленький сынишка Сережка и тербит ее за рукав:

— Мама, идем домой! Тятя прибьет ужо!

— Иди, подлый, что мне твой тятя! — хрипит Марья.—Иди домой!

Хочет толкнуть его рукой и опять падает. Мальчик отходит, стыдливо оглядываясь на хохочущих товарищей.

— Пойдем, Маша, не робеи, пройдет, не смертное!..— поднимают Марью, приговаривая две подруги.

Эх ты доля, моя доля, доля бедняка,
Тяжела ты, безотраднa, тяжела горька...

Запеваает звонкий голос в толпе.

Тяжела ты, безотраднa, тяжела горька...

Подхватывают припев любимой песни голоса истерзанных жизнью людей.

Марью поднимают с земли, она висит на руках, как разбитая параличем, вся в пыли. А солнце жарит, в воздухе знойно, тихо, лист на деревьях замер, не шелохнет. Носятся рои зеленых мух.

— Ой, тошно!.. Голова болит. Подруженьки! Ведь шестеро их у меня.—воет Марья.

— Обшить, обмыть надо, да муж придет пьяный, ну и выпьешь. А не любит, когда много выпьешь, дерется, ох!.. Сереженька, иди домой, погляди, милый, за маленькими-то, приду я сейчас.

Песни и пляски стихли. Все разом закричали, заговорили, как галки, кого-то ругают, спорят, машут в воздухе платками.

— Ну, что затораторили? — раздается зычный голос веселой солдатки Аксиньи с кареток.

— Аннушка, поручница моя, ты мастерица петь, запой веселую!

Молодая ткачиха Аннушка, махнув белым платком, начинает плясать, припевая:

Ой, нонче горох и на завтра горох,
Приди, приди, мой миленький, да постой у ворот.

Ой, нонче щи, да и завтра щи,
Приди, приди, мой миленький, да меня поищи.

Вторит ей, притопывая, вдова Ариша, останавливается и взмахнув платком, кричит:

— Подруженьки, милые... гуляй веселей! Сегодня праздник, а завтра опять каторга! Ох, ты, жизнь наша! Кто нас уважает?.. А?.. Как звери мы задавленные, забитые! Только солнышко светит нам. Солнышко светит, а в жизни—тьма! Непроглядная.

Лавочники и приказчики, зажиточные домо-владельцы останавливаются поглазеть на разгулявшихся рабочих, это интересное для них зрелище. Чопорный интеллигент, мамаша с дочкой, гимназисткой,—брезгливо отворачиваются и ускоряют шаг, проходя мимо них.

— Дикари! форменные дикари, — возмущаются они, пожимая плечами.

Марью повели домой, поддерживая под руки. Толпа работниц редела, расходилась, кто шумно с криками, кто продолжал в одиночку плясать, подпевая частушки.

Солдатка Аксинья организовала складчину и послала за водкой:

— Ко мне, ко мне, подруженьки, под липку, погуляем в моем садочке!

Кое-кто остается продолжать праздничное фабричное гулянье, хмельной толпой направляется в палисадник к коноводу—веселой Аксинье.

Звонкий голос запекает бытовую фабричную песню:

Ходят думы вереницей о былых годах,
Челноки, шкивы да спицы кружатся в глазах.

Толпа дружно подхватывает:

Чтоб работать научиться, все перетерпеть,
Нужно в фабрике работать, в ней и умереть.

Фабричный праздник в полном разгаре. Слышны песни веселья, но в них слышится тоска, отчаяние. С ними сливается звон разбиваемых стекол, площадная ругань, детский плач, вопли избиваемых жен.

IV.

Вечереет. Полупроспавшийся Гарька, пошатываясь, бредет домой. Недалеко от его домишки красуется затейливая вывеска харчевой лавки Ивана

Сидоровича Крутонравова. Не одна сотня рабочих у него в долгу, забирают харчи по книжке. Через каждые две недели, после получки, расплачиваются за отпущенный в долг товар.

— Дорого уж очень дерешь с нас за харчито!—говорили иные.

— Что ни день, то новая цена, а товар скверный, мука мешанная, или с песком, масло—подонки, а намедни послала детишек за семячками, так четверку в фунте скорлупы всучил. Чай деньги платим, а не щепки!

— Ну, вот, стоит говорит! Все в брюхе будет! Полно! Было бы чего кусать-то, — постукивая перстнем о прилавок, посмеивался Иван Сидорович.

— С четверку скорлупы... Скажут же, ха-ха-ха! Вот он, пустая-то голова, — указывает Иван Сидорович на сына, — грызет, грызет и бросит в ларь, так много-ли это?

— А не хорош товар, так не бери! Ищи где лучше, я не неволю.

Если случалось, что кто-нибудь запутался в долгу, Иван Сидорович подавал в суд, суд не обижал его и долг он получал через фабричную контору, иногда описывался и домишко рабочего, постройка которого иной раз стоила целой жизни рабочему.

Гарька остановился перед лавкой. Иван Сидорович сидит с женой около лавки на скамейке, ковыряет спичкой в зубах.

— Что, Гаврила, нагулялся? — лениво позевывая, обращается Иван Сидорович к Гарьке.

— Иш, как вас хозяин-то балует! А все не хорош! Праздник для вас устроил и угощение даровое.

Щупает блестящие бураки сапог, ехидно улыбаясь, пускает Гарьке насмешку.

— Ах, как твоя Марья разделявала! — затарила лавочница Арина Семеновна.—Раздолье! Каких, каких песен не перепели бабы, до упаду плясали, хи-хи-хи!..

— Ну, разделявала и ладно, — хмуро отвечает Гарька.

— А ты вот что, Арина Семеновна, сходи-ка в лавочку, вынеси мне фунт семечек ребятишкам, да селедочку заверни, запишите в книжку.

— Ну, уж нет, не пойду, Гаврила! Нашел время пачкаться с селедкой, спать пора.

— Ишь, ты с гулянья-то пришел какой щедрый: семечек, селедочку... Давай деньги, так и быть отпущу, — снисходительно говорит Иван Сидорович и опять зеваает.

— Это что же такое? — С досадой спрашивает Гарька.

— Ничего! Все запиши, да запиши, чай не даром нам товар дается!—Отрезывает лавочник.

— Да что я у тебя, свежий заборщик, что ли? Знаешь, честно расплачиваюсь. Не деньги, так мои вон хоромы порука!

Лавочник хитро улыбнулся.

— Хоромы!.. Куда они мне, твои хоромы? Неинтересны! А вот уж когда хозяевами фабрик заделаетесь, ха-ха-ха!—раскатился смехом Иван Сидорыч,— тогда просим милости, Гаврило Петрович, все, что вам угодно!

Ладно, будет тебе смеяться-то!—уж сердито кричит Гарька.

— Когда фабрики будут наши, пойдешь вместе со мной работать.

— Ну, вот, тогда и поровняемся, дадите какое-нибудь местешко на фабрике, хоть табельщика, а теперь — за семечки денежки! Мать, ставь-ка самовар, да и на боковую,—обратился он к жене.

— Поди, поди, Гаврила, с богом, там Марья тебя дожидается,—уколола опять лавочница, уходя ставить самовар.

Глаза Гарьки загорелись обидой.

— Так взаправду не отпустишь?

— Взаправду, взаправду,—держа зубочистку в зубах, процедил Иван Сидорыч.

— Ирод, паук, ты проклятый!—заорал Гарька, сдвинув засаленный, измятый картуз на затылок.

— С наших грошей разжился, не работавши. Эх, вы, фарисеи, боголюбы.

Потрясая сжатым кулаком Гарька, скверно ругаясь, пошатываясь, направляется к своему дому.

— Гольтепа чортова, животная образина! Издохнете без нас,—кричит Иван Сидорыч вслед Гарьке и уходит пить чай.

V.

На маленьком дворике Гарьки росла одинокая чахлая береза, валялось несколько поленьев дров, у завалинки дома шумели ребятишки. На крыльце, прислонившись к косяку дверей, сидела ткачиха Марья. Пряди растрепанных жидких волос прилипли к потному лицу. Из полуоткрытого рта вылетало сильное хрипенье, с носовым свистом. Рой мух жадно облепил лицо крепко спящей ткачихи.

— Почуяли что-то, пауки! — с сердцем хлопнув калиткой в воротах, кричит Гарька, входя во двор.

И точно первый раз увидев спящую жену, озадаченный остановился у крыльца.

— И ты по праздничному?.. Как следует?.. в дрызг? Проклятая!..—с злобной горечью бросил Гарька.

— Пришел!..—испуганно шепчет Марья. Открыв посоловевшие глаза и держась за косяк, она пыталась встать с крыльца.

— У ты!..

3. Фабричный праздник.

Гарька бросился к ней со сжатыми кулаками. Марья испуганно закрыла лицо руками и упала на крыльцо. Детишки, уцепившись за полы блузы Гарьки, завопили плача:

— Не тронь, тятя, она не будет больше! Не тронь ее!

Гарька в замешательстве стоит, посматривая на окруживших его, плачущих ребят.

— Не будет?.. Эх, жизнь наша!..

Махнул рукой в воздухе и грузно опустился на завалинку дома. Низко опустил голову...

Пыльный, знойный воздух улицы фабричного района сделался прохладным. Вечерний сумрак сгустился. Поднимавшийся месяц сквозь листву березы рисовал кружева на стене убогого домишки Гарьки. Вечерние тени навевали тишину, вызывали задумчивость. Однообразно скрипели сверчки.

Испуганные ребятинки пришипилась тут же у крыльца, присев на корточки. Гарька с надрывом говорил, поглядывая на них.

— Ух ты, жизнь—малина! Издевка, и некому похвастаться!

К нему подошел маленький Ленька.

— Гляди-ка, тятя, какой месяц-то большой!

— Светел!—взглянув вверх, сказал Гарька.

— Вон и звездочки, как мигают!—придвигаясь к отцу сказала пятилетняя девочка, в оборванном грязном платьишке.

Детвора оживилась, чувствуя, что гроза проходит.

— Слепы мы от голода, — угрюмо рассуждал Гарька, — а они от золота. По привычке, говорят, живем, с измала привыкли. Живи, барахтайся—и в могилу—отдохнешь там. А чувствуем, широко чувствуем потребу жить. Радостно нам, когда вот месяц

светит, солнышко играет, лес шумит, поле зеленеет.
Значит чувствуем жизнь. Изнутри греет правда.

Из дома вышла Марья с опухшим лицом.

На колокольне стали сонно бить часы.

— Одиннадцать, — насчитал Сережка.

Вдали взвилась ракета и рассыпалась разноцветными огнями.

— Гляди, гляди! Что это? — закричали ребяташки в один голос.

— Еще! еще! ах!!

— Праздник... Пирует... Пирует наш паук. И мы отпраздновали, — хриплый голос Гарьки дребезжал, как разбитый горшок.*

ЭТО ВСЕ БЫЛО ТАК.

Памяти павших 10 августа на Приказном мосту.

Рано по утрам, когда солнце еще не показывалось, а только начинал розоветь горизонт на востоке, раздавались, перегоняя один другого, точно соперничая, звуки фабричных свистков. Они забирались во все уголки человеческих жилищ, слышны были далеко за чертой города в деревнях.

Чиновники, купцы, торговцы, попы,—вся армия белоручек, проживавших вблизи фабрик, посылала проклятия звукам, которые нарушают их сладкий сон на заре.

Люди фабричного труда быстро вскакивали с жестких своих постелей и торопливо начинали собираться на фабрику.

Свистки заливались на разные голоса—один долго и пронзительно резал воздух, другой словно захлебывался от злобы, третий гудел ровно, тупо. Один из них особенно кричал зычно, утробно, жадно, переливался, как колокол набата. Хозяин фабрики безвыездно жил за границей и прожигал там все те прибыли, которые ловко выколачивал из рабочих усердный заведующий. С первым свистком он уже был на фабрике. Встречал рабочих во дворе, пошучивал:—Поживее, поживее, милый! Поторапливайся! Без труда не вынешь и рыбку из пруда. Великое дело труд! Я вот уж в садике своем поработал.

Свисток этой фабрик всегда начинал свою песню призыва к труду тогда, когда другие кончали ее.

Их голоса тонули в густом, быстром реве, а из домов торопливо выскакивали рабочие. Пестреющими лентами стягивались к фабрикам.

Из фабричных казарм рабочие шли с угрюмыми лицами, в рваном платье, в калишках, а чаще просто босиком, замызганные, в краске, покрытые пухом, фабричной грязью. Почти у всех были землисто-желтые лица, в голове чад угара от жизни, тяжелых дум. Шли они угрюмые, наполнялись ткацкие корпуса, ситце-печатные, плюсовки, лабораторки, сушилки с сорокаградусным жаром, с удушливым и вредным испарением красок. А в отделениях уже бегали мастера с озлобленными лицами. В корпусах слышались крики фабричной команды, отборная ругань на все манеры, язвительные, пошловатые замечания насчет женщин на фабричном жаргоне.

— Свиньи, скоты, лентяи!—то и дело слышалось из разных мест.

Густая матерщина висела в воздухе.

— За ворота!.. прогоню!.. —как резкий выстрел, звучал грозный окрик мастера.

Тихо становилось тогда в корпусе: люди жались к веретенам и станкам, хватались за что попало, лишь бы показать, что не стоят. Окрик „за ворота“ будил у всех в мыслях призрак голода завтра.

Табельщики бегают с книжками штрафов за опоздание.

— Матрена, третий день на пять минут опаздываешь!.. Гривенник,— заявляет табельщик сшивалке в ситцепечатной.

—С детьми замешкалась, Иван Семеныч, грудной у меня,—оправдывается Матрена, с больным чахлым лицом от бессонных ночей. Измучилась она, выжимая пустую грудь ребенку за ночь.

— Разговаривай! С усами грудной-то,—говорит табельщик и идет дальше, записывая на ходу гривенники.

— Дьявол!..—слышится вслед ему сдержанный злой шопот Матрены, а следом уж идет пристав.

— Чего глазами хлопаешь? На гулянку что ли пришла? Аль об Иване вспомнила? — покрикивает пристав.

Четыре часа утра. Все на местах. Полно в корпусах. Мужчины, женщины, дети.

Вот дрогнули станки, машины, раздался гул разных звуков. Скользя, зашипели ремни, забегали челноки, защелкали гонки, застучали станки, машины, человеческий голос потонул в этой музыке.

К своей поручнице подбегает ткачиха и что-то кричит ей на ухо. Та печально качает головой в ответ и показывает на основу, которая начинает рваться. От этой беды в работе много бессонных ночей. Без числа с горя влетает подзатыльников детишкам. Гложет сердце тоска, забота, заработок мал будет, да отрежут еще от него штрафами за нечистоту в работе.

Молчаливы у станков ткачихи. Лица серьезные. Но вот пробрались в корпус утренние лучи солнца, ударили в большие окна с частыми переплетами, как в тюрьме. Косые полосы золотистой пыли протянулись от окон, заиграли зайчики на станках, скользнули по бледно-желтым утомленным лицам ткачей.

В этот день в корпусах фабрики особенно росло волнение в рабочих массах.

Жарко разгорелась мировая бойня.

В городе день ото дня хлеба становилась все меньше, его стало трудно закупать, цены быстро росли. Торговцы потирали руки от радости: — Сегодня рубль, завтра два возьмем, — шептал крупный туз своему заборщику, мелкому лавочнику на ухо. Призрак голода веял над рабочими...

В конце длинной ленты ткацких станков, у выхода из корпуса в коридор, работает ткачиха Ариша.

Сегодня основа у нее рвется, как никогда. Она часто подбегает к окну, посматривает на дверь курилки для рабочих во дворе, бегают в уборную, прислушивается к разговорам ткачих... Женская уборная в ткацкой — это единственное место, где можно свободно потолковать, здесь обсуждались все вопросы о тяготах работы и жизни.

К концу длинного томительного дня в уборную всегда сходилась много ткачих... Ариша напряженно вслушивалась в суждения о жизни, жарко вступала в споры, настойчиво, каждый день, говорила о борьбе за новую жизнь.

Многие часто ее ругали за непонятную удаль, резкое обличение рабского примирения с жизнью, но любили ее еще больше за прямое, иногда резкое слово в защиту достоинства рабочего, особенно рабочей женщины. Горели радостью у многих глаза, когда слушали ее смелые ответы разным начальникам с фабрики.

— Ну вас к чорту, идола! Издохните, как и ваш благодетель, — кричала Ариша, досадливо махая рукой подмастерьям, старожилам ткачам, клянчившим чуть не каждый день у молодого хозяина награды.

Молодой хозяин туг был на подачки. Невзрачный на вид, маленького роста, хилый, он был совсем не то, что его здоровый, очень высокий отец. Когда старый хозяин глядел своими безцветными тупыми глазами, у рабочих холодело сердце, тряслись поджилки. После об'явления Германией войны России, он с отчаяния удавился, — испугался, что пропали все его капиталы, вложенные в германские банки.

Молодой хозяин быстро раскусил секрет мудрого управления фабриками и начал жать рабочих куда сильнее, чем отец.

Глядя на него, поговаривали рабочие:

— Вот и гляди, на Талку вместе с нами ходил во время забастовки в пятом году, а какой жестокий оказался!

— Мал, да удал! — рассуждали подмастерья, пришедшие „с носом“ из конторы от молодого хозяина.

— Черти меднолобые, еще не этого дождетесь! — ругалась сердито Ариша. — Метлой всех погонит за выслугу лет!

-- Трепло, перестань, не суй носа, где тебя не спрашивают! — кричал подмастерье, имевший знак отличия за усердную долголетнюю работу.

Забитые жизнью ткачи старожилы на все корки ругали Аришу.

Иные боязливо оглядывались, другие с удовольствием слушали резкие слова правды Ариши. Сегодня столпились ткачихи в уборной с утра.

Как никогда бегают рабочие в курилку.

На ходу свертывают цыгарки.

Арише видно в окно, как из двери курилки вылетают клубы сизого дыма.

„Вон Василий прошел“, — думает Ариша. Василий ее товарищ по политической работе в массах. Он тоже направлялся в курилку.

— Смелова, в табельную зовут! — крикнул мальчишка -- рассыльный из табельной, неожиданно подскочив к Арише.

— У чертенок! — досадливо махнула рукой Ариша на мальчишку.

— За коим чортом? — сердито спросила она мальчишку, сына пристава.

— Узнаешь там, иди, требуют, -- ответил рассыльный. Схватил у Ариши из ящика на полу испорченную початку. С озорством сделал лихой выкрутас ногой и стремглав побежал из корпуса.

— Вот дьяволенок! — останавливая станок, сказала Ариша. Набросила на плечи платок и быстро засеменила своей торопливой походкой.

По длинной ленте станков пронеслось оживление. Кого другого бы вызывали, понятно, но Аришу, пожалуй, есть что-то серьезное. Солдатка Алена кричала на ухо своей поручнице:

— Не к добру! Симка, сводница проклятая, получила новую пару за доносы директору. На горло лезет! Вчера про Арину говорила, пошабашивши: — Влетит, говорит, ей скоро, — языком треплет много ненужного.

В табельной Арише заявили, что ей директор приказал выдать расчет.

У Ариши в глазах сверкнул огонек.

— За что? — отрывисто спросила она у табельщика.

— Не знаем мы про то, поди справься у самого, если хочешь!

Ариша направилась к кабинету директора.

— Узнаешь за что, дотрепалась! Выше лба уши не растут. Держи язык за зубами! — сказал, ехидно ухмыльнувшись ей в след, табельщик.

Директор сидел за столом, спиной к двери, плотно развалившись в мягком кресле. На вошедшую Аришу он и не оглянулся.

— За что меня расчитываете? Позвольте узнать, — бойко спросила она. Глаза блестели, пальцы нервно теребили кончик ситцевого фартука.

— Ра-а-счет... — как будто с удивлением протянул директор, обертываясь к ней. — А, это ты Смелова? Да, да, тебя нужно долой с фабрики. Нарушаешь спокойствие умов своей повседневной пропагандой. Об этом мне известно.... Подбиваешь рабочих на бесцельное выступление... Вот за что!

Ариша насмешливо посмотрела на него. Промелькнула мысль, стоит ли дальше говорить с ним. Не бросить ли прямо ему жесткие слова правды, этому утонченно-вежливому, спокойному ученому, по новому жестокому бесчеловечному администратору. Эксплоатацию, произвол, он развил до последней крайности. Довел до мелочей. Сотни людей зараз выбрасывались за ворота с рублем в месяц пособия, а то и вовсе безо всего. Выбрасывал всех у кого устали смотреть глаза, ослабли руки. Он не брезговал ни доносами,

ни шпионажем, смотрел сквозь пальцы на действия своих подчиненных начальников, на то, что они принуждали работниц к сожигательству. Он не мог видеть селедки и луку. А ткачам нечем было больше завтракать. Они приносили это с собой, но прятали за пазухами, в карманах. Положить эти продукты на окно было страшно, никто не хотел заработать за это штраф.

Плечи Ариши судорожно передернулись.

— Вы думаете, что если меня рассчитают, так волнения прекратятся? — сказала Ариша, вызывающе посмотрев на директора...

— Как вы близоруки, господин директор. Нет такой силы, чтобы остановила волнение измученных, задвленных жизнью рабочих...

Директор бросил на нее презрительный взгляд.

— Ну, иди, иди отсюда. Я не намерен выслушивать ваших проповедей... Россия несет страшные поражения, но вы своей преступной пропагандой несете окончательную смерть славе и могуществу России. Нужно терпеть до конца.

— Терпеть?!.. вскрикнула Ариша.

— До каких же пор? Когда жрать нечего! Когда кругом пошлость, грабеж, издевательство! — Ариша сделала шаг вперед.

— Нет! Этого терпеть больше нельзя! Завтра вы рассчитаете других рабочих, таких же, как я, но вы этим не поможете. Нас много. Мы не сдадимся!..

Возмущенный директор вскочил с кресла, бледный, с перекосившимся от злобы лицом, и схватился за звонок.

— Вон отсюда... или я приму другие меры, — злобным шопотом прохрипел он.

В открытое окно вдруг раздался гул голосов массы рабочих.

Изо всех отделений выходили толпами рабочие, направляясь к конторе.

— К управе, товарищи! — кричал кто-то. — Там сговоримся... Дальше нельзя... — доносились крики из толпы.

— Ну, что еще терпеть — ждать пока с голоду подохнем? Тьфу! — Ариша плюнула и выбежала из конторы.

II

Рабочих полон двор. У конторы хозяин, вокруг высшая администрация фабрики. Полицейские фабричные надзиратели, как волки, поглядывают на толпу, готовые по первому слову броситься на нее. Фабричная знать — мастера, помощники, конторщики с любопытством выглядывают из окон корпусов.

— Надо устроить лабазы с харчами при фабрике, пока эти дикари, подстрекаемые проклятыми краснофлажниками, не предпринимают чего-нибудь другого, — сказал хозяину его родственник, пайщик в предприятии, директор-распорядитель. Большие белки глаз тяжело повернулись при этом под очками в золотой оправе.

— Да, это надо сейчас же обсудить, — ответил хозяин и вскочил в экипаж.

— В управу! — крикнул он кучеру, и рысак быстро понесся со двора.

По главной улице города то и дело раздавался стук копыт собственных рысаков. Это фабриканты Иваново-Вознесенска, перегоняя один другого, собирались в управу.

К вечеру на улицах фабричного района Хуторово стали появляться группы рабочих. Они шли с площади.

Какой-то любопытствующий обыватель спросил, что происходит на площади. Один из рабочих сердито, угрюмо ответил: — Поди, сходи, да послушай!

У харчевой лавки остановились две группы. Угрюмый разговор не клеился.

— Да разве дадут они помощь? Держи карман.

— Не делом просят, — возражал кто-то справа, — ничего хорошего, не выйдет... Про войну говорят. Барыши фабрикантов от войны подсчитывают. Царя задевают. Не дело!

— Ну, война тут не при чем и барыши тоже. А только, я скажу, силой ничего не возьмешь. Как в басне медведь дуги гнул, — говорил громко, часто сплевывая, чисто одетый рабочий.

Он домогался стать ткацким мастером. Все свободное от работы время играл в карты.

— Выиграл двугривенный и кум королю! — постоянно говорил он.

Играл он где попало: под забором, в чуланчике, в лесу. Играл на пролет целыми ночами. А со свистком прямо от карт опять на фабрику.

— Аришка-то, Аришка-то, на всю площадь орет: „Только борьбой мы улучшим свое положение! Товарищи! На подачки проклятых эксплуататоров нечего надеяться!“ — Ишь ты!... — злорадно улыбалась стоявшая тут же ткачиха, жена подмастерья.

— Дела... Хи - хи - хи! — поглаживал широкую светлую лысину лавочник Нестерыч. Он подошел послушать новости и ехидно ухмылялся.

— Чего теперь ждать-то? Вот опять лавки начнут громить, как в пятом году! — протараторила жена лавочника с румяными пухлыми щеками, точно вымазанными клюквой.

— Молчи, дура баба! — огрызнулся на нее Нестерыч и досадливо махнул рукой. — Без тебя знают они, что делать.

Ш

Три дня на площади перед управой, как море, волновалась рабочая масса, носились грозные крики:

— Хлеба, хлеба!

— Повлияю... — обещал губернатор. — Торговцы сбавят цену на хлеб, фабриканты прибавят жалование, вставайте на работу.

И верно, на третий день стачки стало известно, что цены на хлеб немного понизились.

На четвертый день свистки отчаянно ревели на фабриках, в ворота шумно вливались рабочие. Стачка кончилась.

В корпусах мастера, пристава, табельщики, торжественно улыбаясь, захлебывались от удовольствия.

— Вот это милость! Хорошо!..

Хозяева решили открыть при фабриках потребловки. На совесть торговцев не надеялись.

— Харчи будут дешевле—давно бы так надо...

Но губернатор пошел дальше. О прибавке платы на фабриках не было слышно. Зато 9-го августа по корпусам понеслась тревога. В курилке, в женской уборной опять полно. Вместо работы идут оживленные переговоры. У всех везде одно на языке:

— Арестовали сегодня ночью много...

— За дело,—раскуривая сигарку, внушительно говорил подмастерье, любитель хозяйственных попрачек.

Администрация беспокойно шныряет по отделениям. При рабочих рассуждают на показ:

— Арестовали не напрасно... Немец и тут орудует... Не зря кричали долой войну!.. Знают, кого арестовывать...

А на другой день, 10-го августа, паровые на фабриках не шумели, станки, машины безмолвно стояли.

Возмущенные, медленным шагом расходились по домам не в урочное время с фабрики администрация и кое-кто из рабочих, сторонников войны до победы.

Шли, останавливались и опять медленно двигались. Дорогой толковали на все лады о немецких шпионах. На базарной площади их обогнала черная колонна рабочих с механического завода. Они твердо

шагали, словно связанные один с другим. Шли молча. Черные, прокопченные лица были глубоко серьезны. У каждого на уме один вопрос: „Чем ответят? Что-то будет?“—Кое-кто шел без шапок—не до этого было: порыв, стремление влекло всех с завода на площадь.

А на площади уже бушевала сплоченная сила рабочих. Все грознее, суровее и громче разносился гул голосов:

— Освободить арестованных!.. Идем к тюрьме!

В толпе разнесся слух: полицеймейстер наотрез отказался освободить арестованных.

Тогда Федор Зиновьев, рабочий с фабрики Ивана Гарелина, вскочил на тумбу и закричал:

— Товарищи! Правительство не хочет исполнить наше требование. Мы заставим!! Идем, к тюрьме! Освободим товарищей!

Этот призыв всколыхнул массу. В мощном порыве раздался ответный крик тысяч глоток.

— Идем к тюрьме!.. Освободим!..

Федор Зиновьев, а за ним вся масса ринулась к тюрьме через Приказный мост.

А за мостом уже выстраивались солдаты. Едва передние ряды толпы сошли с моста, солдаты взяли ружья на перевес. Передние в замешательстве остановились. А сзади напирали.

Федор Зиновьев снял шапку. Зазвучала огненная речь героя-большевика к солдатам...

Молодой безусый прапорщик, насмешливо поглядывавший на толпу, вдруг отвернулся к солдатам и негромко скомандовал что-то.

Ряд винтовок дрогнул и неровно опустился. Только с левого фланга раздался одинокий, глухой, словно испуганный выстрел... За ним неуверенные—второй, третий, четвертый. Федор Зиновьев упал первым, простреленный четырьмя пулями, за ним попададо еще много убитых и раненых.

На улицах фабричного района—Хуторово этот вечер наполнился жутью, немой тишиной. С площади изредка торопливо возвращались рабочие. Проходили по двое, трое.

В сумерках мелькали белые платки женских голов, темные силуэты мужчин.

Послышались возбужденные голоса возвращавшихся.

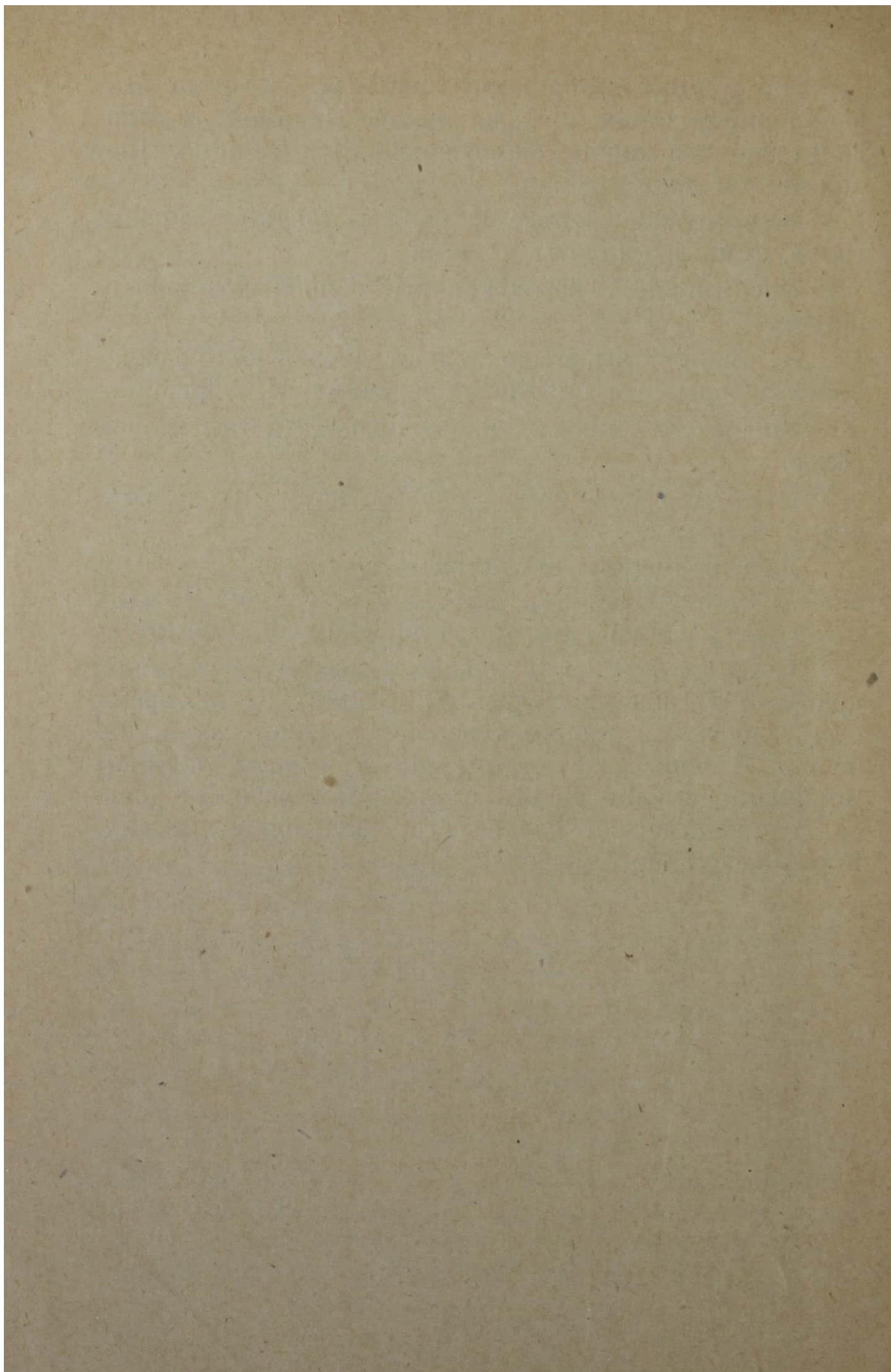
— Насилу выбрался... верст десять дал крюку... через заборы, где попало... изорвался, как дьявол...

Убитых-то, раненых-то сколько,—ответил второй голос.

От этих слов жуть и темь ночи 10 августа стали острее.

Расстреливали на фронте и здесь, в тылу, все тех же рабочих и крестьян. За что? В чьих интересах? Теперь это узнал широко весь мир труда.

Пройдет сто лет, жизнь развернется великой красотой от нового творчества людей. В то время будут казаться людям страшной сказкой наши дни жизни и борьбы за новый мир и чудным великим подвигом—смелая борьба с капиталом рабочего класса, руководимого в борьбе его авангардом,—коммунистической партией большевиков.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- II — III **Канатчиков, С.**—Из истории моего б. памяти и мемуары).—ЗИФ. 1929 г. 116 стр. 1 руб.
- III — **Караваяева, А.**—Юность на Грязной. Т. II.—ГИЗ. 1930 г. 544 стр. 2 р. 20 коп. Пер. 20 к.
- II — **Крупская, Н. К.**—Воспоминания. ГИЗ.
- II — **Ляшко, Н.**—Крепнущие крылья и др. библиотечка ЗИФ'а. 1930 г. 103 стр. 15 коп.
- II — III **Ляшко, Н.**—Минучая смерть. Полное Т. VII.—ЗИФ. 1928 г. 144 стр. 1 р. 20 коп.
- II — **Ляшко, Н.**—С отарою. — Недра. 1928
- II — **Мещеряков.**—Как мы жили в ссылке.—Молодая гвардия. 1929 г. 75 стр. 55 коп.
- II — III **Насимович, А.**—Город премогучий. Роман.—Московск. Раб. 1928 г. 384 стр. 2 р. 50 коп.
- III — **Окулов.**—Побег. Рассказы. — Федерация. 1930 г. 271 стр. 2 р. 30 коп.
- II — **Померанцева, А. В.**—В царской каторге и ссылке. Путь большевиков до Октябрьской революции.—ГИЗ. М.—Л. 1929 г. 86 стр. 20 коп.
- II — III **Сверчков, Д.**—На заре революции. Изд. 4-е иллюстр.—ГИЗ. 336 стр. 2 руб.
- II — III **Свирский, А.**—Полное собрание сочинений. Том I. Записки рабочего. Рассказы.—ЗИФ. 1928 г. 328 стр. 2 р. 50 коп.
- II — III **Серафимович, А.**—Живая тюрьма. Полное собрание сочинений. Том VI. ГИЗ. 1928 г. 260 стр. 1 р. 75 коп.
- II — III **Страуян, Я.**—Былое. Лесные братья и др. повести и рассказы. Моск. Т-во Писателей. 195 стр. 1 р. 80 коп.
- III — **Страуян, Я.**—Скитания. Повести, рассказы, очерки.—ЗИФ. 1930 г. 118 стр. 1 р. 20 коп.
- II — III **Сулиашвили, Д.**—Горящий уголь.—ГИЗ. 1929 г. 192 стр. 1 р. 30 коп.
- II — III **Филиппов, А.**—Юность. Повесть.—Прибой. 1929 г. 215 стр. 1 р. 40 коп.
- II — **Фролов, А.**—Мятежные годы. Повесть. — Московское Т-во Писателей. 1928 г. 282 стр. 2 руб.
- II — III **Шведов, Я.**—Юр.-Базар. Роман. 2-е издание.—М.-Л. Московский рабочий. 1929 г. 298 стр. 1 р. 25 коп.

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ:

1. Центральным книжным магазином ГИЗ—Иваново-Вознесенск. Социалистическая, д. № 19/2, тел. 5-06.
2. Окружными магазинами ГИЗ — в Шуе, Ярославле, Костроме, Владимире, Кинешме, Александрове и Рыбинске.
3. Районными магазинами ГИЗ.

Магазин № 1

Сохран. расп. № 1861

Дата 22.06.88

Цена 2.00

З., т., з. 5523

1261

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...
 17. ...
 18. ...
 19. ...
 20. ...
 21. ...
 22. ...
 23. ...
 24. ...
 25. ...
 26. ...
 27. ...
 28. ...
 29. ...
 30. ...
 31. ...
 32. ...
 33. ...
 34. ...
 35. ...
 36. ...
 37. ...
 38. ...
 39. ...
 40. ...
 41. ...
 42. ...
 43. ...
 44. ...
 45. ...
 46. ...
 47. ...
 48. ...
 49. ...
 50. ...
 51. ...
 52. ...
 53. ...
 54. ...
 55. ...
 56. ...
 57. ...
 58. ...
 59. ...
 60. ...
 61. ...
 62. ...
 63. ...
 64. ...
 65. ...
 66. ...
 67. ...
 68. ...
 69. ...
 70. ...
 71. ...
 72. ...
 73. ...
 74. ...
 75. ...
 76. ...
 77. ...
 78. ...
 79. ...
 80. ...
 81. ...
 82. ...
 83. ...
 84. ...
 85. ...
 86. ...
 87. ...
 88. ...
 89. ...
 90. ...
 91. ...
 92. ...
 93. ...
 94. ...
 95. ...
 96. ...
 97. ...
 98. ...
 99. ...
 100. ...

ТАБЛИЦА РЕЗУЛЬТАТОВ

1. ...
 2. ...
 3. ...
 4. ...
 5. ...
 6. ...
 7. ...
 8. ...
 9. ...
 10. ...
 11. ...
 12. ...
 13. ...
 14. ...
 15. ...
 16. ...
 17. ...
 18. ...
 19. ...
 20. ...
 21. ...
 22. ...
 23. ...
 24. ...
 25. ...
 26. ...
 27. ...
 28. ...
 29. ...
 30. ...
 31. ...
 32. ...
 33. ...
 34. ...
 35. ...
 36. ...
 37. ...
 38. ...
 39. ...
 40. ...
 41. ...
 42. ...
 43. ...
 44. ...
 45. ...
 46. ...
 47. ...
 48. ...
 49. ...
 50. ...
 51. ...
 52. ...
 53. ...
 54. ...
 55. ...
 56. ...
 57. ...
 58. ...
 59. ...
 60. ...
 61. ...
 62. ...
 63. ...
 64. ...
 65. ...
 66. ...
 67. ...
 68. ...
 69. ...
 70. ...
 71. ...
 72. ...
 73. ...
 74. ...
 75. ...
 76. ...
 77. ...
 78. ...
 79. ...
 80. ...
 81. ...
 82. ...
 83. ...
 84. ...
 85. ...
 86. ...
 87. ...
 88. ...
 89. ...
 90. ...
 91. ...
 92. ...
 93. ...
 94. ...
 95. ...
 96. ...
 97. ...
 98. ...
 99. ...
 100. ...

